

а к нам твоих... ратных людей... не бывало. И буде, государь, вскоре твоего... воеводы с ратными людьми к нам не будет, и нам за нашу нужду то место будет покинуть, потому, государь, что никаких у нас хлебных запасов... нет, а и жить, государь, стало не в чем да нечем"¹ В Поэтической повести изложение ведется также от лица Войска, но уже без прямых обращений к царю. Прямые обращения здесь заменены как бы пересказом того же текста для третьего лица. Например: „и он, государь, от войны и от татар... А мы, холопи ево (в отписке было бы: „холопи твои“)... А будь государь нас, холопей своихъ далних, пожалует...“ (л. 45—45 об.).

Жанр, таким образом, остался прежним, но адресат изменился. Если подлинная отписка апеллировала с просьбой об Азове только и прямо к самому „государю“, то параллельная ей повесть, сохраняя ее жанровую форму, как бы расширяла свою аудиторию, выводила этот вопрос за пределы Посольского приказа и дворца и обращалась уже с рассказом о тех же азовских делах к московским общественным кругам, которые как раз в это время живо интересовались этой проблемой.

Вернемся к тексту повести. Многие на земском соборе предлагали принять Азов, но „ратных людей“ туда не посылать, предоставив его дальнейшую оборону тем же казакам, да „охочим людям“. Как бы в ответ на это герои повести говорят: „А мы, холопи его, которые остались у осады азовские, все уж мы старцы увечные а промыслы и боя уж не будет [с]нась“. Теперь „осадным сидельцам“ осталось только одно: выполнить „обещание всех нас у Предтечева образа в монастырь ево постричис, принять образ мнишеский“ (л. 45). Но заслуга их забыта не будет. За них „государь станет бога молить до вьку“ (л. 45 об.).

Эпический конец повести — намерение героев „постричься“ после того, как их миссия по изгнанию „беззаконных агарян“ со славой закончена, — этот конец реально отражал настроения „осадных сидельцев“.

У казаков издавна вошло в обычай в трудные минуты боевых схваток с врагом давать обещание своим „небесным“ заступникам отправиться в случае избавления в какой-нибудь из дальних монастырей на богомолье. „Почти из каждой зимовой станицы несколько человек“ отправлялись с разрешения царя выполнять такие обещания.² А во время осады 1641 г. все Войско дало следующее обещание: „и мы, холопи ваши, — говорит отписка, — сидечи от них в осаде и призывая на помощь... нашего бога..., чтоб господь бог нас... от таких нечестивых врагов, турок... избавил, и обещались, государь, мы в те поры всем Войском воздвигнути в Азове церковь божию...“³ Но осуществить этого сразу не удалось, так как Азов был отдан Турции.

Казаки имели в те годы два своих монастыря — Боршевский и Чернечев. Первый из них был построен Войском еще в 1614 г. и служил

¹ Донские дела, кн. II, стб. 287—288.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 64.

³ Донские дела, кн. IV, стб. 440.